

С самого начала и до сих пор трудно сказать, что она училась на своих ошибках.

Она уже была обманута претенциозностью мистера Мо, но смогла свободно говорить с ним, которого встретила всего один раз.

И причина для свободного разговора была просто потому, что она думает, что он хороший человек и хорошо к нему относится.

Разве эта девушка уже не страдала от этого раньше?

Это стандартный глупый белый персонаж?

К счастью, это он. Если бы он был другим Кровавым, он бы продал ее перед лицом абсолютной власти мистера Мо.

Г-н Мо толкнул дверь и был удивлен, увидев сцену внутри.

Бай Лисинь встал, кивнул г-ну Мо и вышел из комнаты со словами: «Тогда я пойду, а вы отдохните».

Он не хотел слишком часто общаться с мистером Мо.

Когда Бай Лисинь ушел, красные зрачки г-на Мо смотрели ему в спину в глубокой задумчивости.

—

На следующий день Бай Лисинь проследил за своей памятью до комнаты, где во внутреннем мире хранилась «еда».

Замок был уже не таким процветающим, как много лет спустя, да и охранников стало гораздо меньше.

В такой солнечный день охранников было гораздо меньше. Комната была не такой большой, как в поверхностном мире, поэтому Бай Лисинь быстро нашел скорчившегося юношу в углу сразу после того, как открыл дверь.

На шее юноши был повязан металлический ошейник, а к ошейнику прикреплена цепочка толщиной в два пальца.

Другой конец цепи был прикреплен к железному столбу в углу, как собака на поводке.

Юноша был до смерти напуган безумием прошлой ночи, и свет его прежнего неповиновения исчез из его глаз, оставив только страх и отчаяние.

Увидев приближающегося Кровавого, юноша в страхе тут же забился в угол, его рот открылся, чтобы закричать.

Бай Лисинь быстро прикрыл рот Холла.

«Не кричи. София прислала меня».

Глаза юноши вспыхнули от удивления, когда он жестом сказал Бай Лисиню отпустить его.

Бай Лисинь отпустил, и юноша тут же спросил: «Где София?!»

— Тебе не о чем беспокоиться. Она попросила меня вытащить тебя, ты пойдешь?

Юноша поспешно кивнул: «Да, конечно, пойду!»

Бай Лисинь: «...Хорошо».

Под изумленным взглядом юноши Бай Лисинь аккуратно и безжалостно сбил его с ног и бросил в заранее приготовленный мешок, как курицу.

У Бай Лисиня была сильная рука, и он легко поднял мешок одной рукой. Он не сразу вышел из замка, а направился в комнату, где держали игроков.

Сун Лэй руководил учениями, когда прибыл Бай Лисинь.

Сун Лэй вытер пот со лба, когда вошел Бай Лисинь, его взгляд был прикован к мешку в руке.

«О, после десятилетий запустения, я давно не занимался спортом. Я боялся, что не смогу достаточно быстро работать на узле. Как говорится, что это?»

Бай Лисинь, «Сын судьи, жених Софии».

Сун Лэй поискал в уме эту фигуру и ошеломленно сказал: «О, так это он».

Бай Лисинь: «В предыдущих двух случаях я пришел спросить, умер этот человек или выжил?»

Сун Лэй нахмурился и тщательно задумался. Возможно, этот персонаж был слишком тихим, поэтому он обратился за помощью к капитану отряда 5.

Капитан тоже нахмурился.

— Столько времени прошло, а ты вдруг спрашиваешь, я тоже... — Капитан опустил голову, пытаясь отыскать какую-нибудь зацепку в далекой памяти.

«Однако, судя по той жизни, которую мы продолжили потом, он так и не появился».

«Судья был известен в городе, и не прошло и двух лет после узла, как судья умер. Это был местный священник, который дал ему последний обряд; его дети не появились, и он, казалось, был совсем один. Но все же в тот день произошел несчастный случай, когда ворвался Кровавый».

«Я думаю, что судья казнил слишком много Кровавых, и этот пришел отпраздновать это. Но, к счастью, этот Кровавый ни на кого не напал. Он просто некоторое время наблюдал издалика и ушел».

Сун Лэй внезапно хлопнул себя по штанине: «Я вспомнил».

«У судьи был один сын, но, похоже, он не знал, что с ним случилось. Его сын исчез в одночасье, а судья умер от депрессии. Он ушел из жизни очень рано».

Несколько фрагментов информации были собраны воедино, и у Бай Лисиня возникли сильные подозрения.

Он бросил на мешок сложный взгляд и снова сказал им: «Я подошел к лестнице и увидел, что темная запретная зона еще не появилась».

Сун Лэй: «Все в порядке».

Группа людей теперь была вполне буддистской: «Если мы добьемся успеха, мы вернемся. Если мы этого не сделаем, мы умрем здесь в комфорте и старости. Все хорошо, так что идем навстречу судьбе».

Десятилетия жизни давно поглотили их страсть и мотивацию.

Бай Лисинь больше ничего не сказал, но на этот раз он не запирали их.

Десять минут спустя Бай Лисинь передал мешок Ся Чи.

Пока он смотрел, как Ся Чи ловко покидает замок с мешком за спиной, глаза Бай Лисиня постепенно темнели.

Один волос может поразить все тело. Любое небольшое изменение может иметь эффект бабочки, который, в свою очередь, может изменить всю ситуацию.

Первые два раза игроки не заходили в замок. Они не могли вмешиваться в нормальный ход развития, поэтому концовка каждый раз была одинаковой.

Если он угадал правильно, предыдущий мистер Мо превратил Холла в Кровавого на предыдущей временной шкале.

Безумное собственничество мистера Мо и его контроль над леди Софией были очевидны из его некрофилии в поверхностном мире, а также из того, как все вращалось вокруг нее здесь.

Это собственничество и контроль не позволили бы навязчивому любовному увлечению показаться мухой на стене.

Разве что незначительно то присутствие и цель, которой он может достичь.

На этот раз его присутствие побудило Софию попросить его о помощи.

А что раньше? Возможно ли, что София сама отправилась спасти Холла?

Может быть, София поклялась спасти Холла, а мистер Мо превратил Холла в то, что он ненавидел больше всего?

Возможно ли, что превращение некогда смелого и бесстрашного юноши в раба крови способствовало смерти Софии?

Можно ли было изменить исход, освободив Холла?

Но действительно ли можно было изменить прошлое, которое уже произошло?

Бай Лисинь смотрел, как уходит Ся Чи, а затем направился в сад за домом. Между планировкой этого места и внешним миром все еще существовала значительная разница. В поверхностном мире это место уже было морем роз, конца которого не было видно, но оно еще не было полностью освоено».

Когда Бай Лисинь подошел к месту с туннелем, он взял лопату, которую положил садовник, и несколько раз перелопатил ее, но земля была твердой.

Подземного туннеля еще не было.

Значит, этот туннель был тайно вырыт оставшимися слугами Третьего Поколения Кровавых после их смерти.

Если он был прав, то туннель надо было вырыть изнутри, а выход сделать здесь, потому что в этот розарий редко заходили.

Когда он в это время находился под землей, он долго шел, и судя по маршруту, он уже вышел из этого замка.

Бай Лисинь стоял в розарии и смотрел вверх. Отсюда он мог видеть комнату Софии. Окно было открыто, и он с удивлением обнаружил, что видит все в комнате Софии.

Переместите одну точку влево, переместите одну точку вправо, и обзор перекроется рамой окна.

Недаром мстительный слуга проложил здесь туннель. Должно быть, он много раз шпионил за леди Роуз в течение дня, пока все Кровавые спали.

Окно этой комнаты было в данный момент открыто, и Софии в нем не было.

Он был в комнате Софии, как только вставал утром, и дверь была наглухо заперта; ее там не было. В это время дня она, вероятно, рожала.

До свадьбы оставалось шесть дней, а София не собиралась умирать сегодня, так что ее операция должна пройти хорошо.

Если бы произошло первое превращение, София, скорее всего, стала бы Кровавой в следующий раз, когда он ее увидит, то есть через четыре дня.

Бай Лисинь вошёл в замок и подошёл к запертой двери на первом этаже.

Он взял стальную проволоку, резко взломал замок и толкнул дверь.

Это была комната мистера Мо.

Он хотел увидеть комнату мистера Мо, когда тот был на поверхности, но так и не смог найти такой возможности. Мистер Мо сейчас был с Софией, и в ближайшее время его здесь не будет.

В отличие от огненно-красной комнаты леди Роуз, эта была окутана тьмой. Все стены были

черными; кровать была черной; гроб был черный; даже книжные полки и письменный стол были черными.

Окна были закрыты плотными черными занавесками, не пропускающими ни единого луча света.

Бай Лисинь внезапно вышел из светлого коридора в темную спальню и споткнулся.

Ди Цзя вылез из пухлых рукавов Бай Лисиня и выплюнул: «Какой плохой вкус».

Комната была большой, и Бай Лисиню потребовалось несколько мгновений, чтобы привыкнуть к такой темноте.

Кровавые могли видеть в темноте, но здесь было так темно, что Бай Лисинь тут же вытащил фонарь из системного рюкзака.

Включив минимальную яркость, он внимательно осмотрел комнату.

Комната была украшена самой роскошной и дорогой фурнитурой. Одна только кровать была сделана из самого роскошного и лучшего красного дерева с использованием самых изысканных приемов резьбы.

Бай Лисинь первым подошел к столу г-на Мо.

Слабый свет падал на стол, освещая его содержимое.

Посреди стола лежала копия Священной Книги, которая была открыта до двенадцатой главы, и четкие следы чернил падали на слова, которые Бай Лисинь уже выучил наизусть.

«Когда все замолкнет, Святой придет».

Бай Лисинь пролистал еще несколько страниц и увидел те же чернильные пометки на похожей фразе в главах 10 и 11.

«Когда молчит вера, приходит отчаяние».

«Когда приходит отчаяние, приходит покаяние».

Бай Лисинь снова и снова перелистывал книгу, чтобы убедиться, что на ней нет других следов чернил, прежде чем перевернуть книгу обратно к двенадцатой главе.

Он посмотрел на слова и нахмурился.

Действительно ли имя мистера Мо скрыто в этих трех предложениях?

Мистер Мо даже убил третье поколение Кровавых, чтобы сохранить свое имя в тайне. У него было безумное желание сохранить конфиденциальность своего имени, так как же он мог вычеркнуть подсказки к своему имени, когда он так отчаянно пытался защитить его?»

Может это диверсия?

Бай Лисинь вспомнил пробную копию.

Во время пробной копии злой дух также отклонил суждение игроков; он вводил игроков в заблуждение, используя всевозможные смешанные сообщения правды и лжи, превращая старосту деревни в самого подозрительного человека, чтобы заставить игроков атаковать его кинжалом.

В мире грез он видел разработку пробной копии. Злой дух уничтожил все, и появился таинственный человек. Мужчина мог быть скрытым персонажем, так как он был покрыт мозаикой, и даже его голос был обработан электронными звуками.

Он обменял кинжал, способный убить нечистую силу, на создание пробной копии.

Холодный блеск вспыхнул в глазах Бай Лисиня, когда его мозг взорвался.

Есть ли вероятность того, что то, что игроки считали копией, на самом деле было реальным измерением? Возможно, это был не такой огромный мир, а всего лишь маленький мир, образованный сбором массы энергии.

Копии были созданы не системой, а системой, связанной с этими маленькими мирами.

Чтобы соединить миры, нужна была среда.

Кинжал был средством пробной копии, как для соединения системы с маленькими мирами, так и для сдерживания злого духа.

Энергия, заключенная в злом духе, была той энергией, которая приводила копию в действие.

Когда кинжал убил злого духа, он также убил изначальную силу того мира.

Это объясняет, почему копия [Невесты Речного Бога] была полностью закрыта после смерти

злого духа.

Мир был полностью разрушен и перестал существовать. Повторного входа точно не было.

Если его рассуждения верны, то в этом мире должна быть и та одна вещь, которая могла бы контролировать и балансировать источник энергии, поддерживающий работу этой копии. Если бы он убил этот источник энергии, он мог бы полностью уничтожить эту мусорную копию.

Ему нужно было найти этот предмет, чтобы доказать свои подозрения!

В пробной копии загадочный человек сказал злему духу, что в будущем кто-то убьет его кинжалом, поэтому тот начал вводить игроков в заблуждение и избегать смерти.

Что с этой копией?! Мог ли быть также таинственный человек, который сказал мистеру Мо, что кто-то убьет его чем-то, выкрикивая его имя? Г-н Мо продолжал давать неверные подсказки, чтобы сбить людей с толку.

Этот ключ, вероятно, лежал у мисс Софии.

Бай Лисинь внезапно почувствовал онемение кожи головы, и его охватило сильное чувство угнетения.

Черт, что это за дерьмовая игра?

Бай Лисинь глубоко вздохнул.

Он осторожно положил книгу на середину стола и осветил фонариком на остальную часть стола.

Там не было ничего, кроме чернил и гусиных ручек, поэтому Бай Лисинь повернул голову и осветил фонариком на книжную полку.

Книжная полка была разделена на пять слоев, на которых было перечислено множество книг.

Бай Лисинь не знал слов на них. Некоторые книги были написаны мелким почерком, так что он мог только подойти достаточно близко, чтобы посмотреть, опасаясь, что может быть какая-то подсказка, которую он упустит.

Фонарик прижался к полкам и медленно пронесся по каждому уровню.

Он прошел первый уровень и ничего не нашел.

Затем он прошел через второй слой без изменений.

Когда он достиг третьего уровня, Бай Лисинь встал на лестницу.

В комнате было темно и так тихо, что можно было услышать только тихие вздохи Бай Лисиня.

Темнота и тишина были подобны двум свирепым зверям, дико высвобождающим свою злобу и ярость.

Фонарик медленно скользнул по третьему уровню и остановился на одном месте. Что-то светилось из-за книжной полки.

Бай Лисинь достал книгу.

Когда он увидел то, что было за его пределами, его дыхание сбилось, а зрачки сузились.

Это была пара глаз.

Это были только глазные яблоки; красные глазные яблоки Кровавого и два круглых шара были пропитаны формалином.

Кроваво-красные зрачки сузились в крошечную точку, окруженную плотными красными капиллярами вокруг глазного яблока.

Обладателей этих глаз скорее всего сильно замучили и запугали перед смертью, иначе зрачки не были бы в таком состоянии.

Бай Лисинь глубоко вздохнул и продолжил оглядываться.

Затем он увидел пару рук, но только руки.

Разрезы на руках были гладкими; ни следа мяса; даже кровеносные сосуды были перерезаны через них.

На бледных руках, вымоченных в банках с формалином и плавающих в нем, не было и следа крови.

Но... эти руки были исключительно хороши собой.

Руки были без шрамов и безупречно белые.

Пять пальцев были длинными и тонкими, а десять пальцев были как раз нужной длины.

Ни за что...

Фонарик Бай Лисиня просто осветил помещение, и картина стала полностью видна.

Бедрa, икры, ступни, шея, грудь, кишечник, печень, почки, сердце и так далее. Там были большие и маленькие баночки с формалином, каждая из которых содержала разные органы.

Бай Лисинь внимательно наблюдал за этими органами. Если бы сейчас на них посмотрел студент-медик или человек-эстетист, они наверняка испытали бы одно и то же чувство.

Каждая часть органа доросла до совершенства.

Бай Лисинь резко нахмурился, вспомнив замечание, сделанное охранником ранее.

«Мистер Мо больше всего любит красивых людей, и превращение в Кровавого — это привилегия, которую он дает нам красивым людям».

Короче говоря, мистер Мо любил красоту.

Бай Лисинь посмотрел на органы перед собой.

Не слишком ли широк диапазон красоты, которую он любит?

<http://bllate.org/book/14977/1324611>